

ния Таисия Леушинская. Духовные стихотворения. СПб., 2002. С. 96–98; Монахиня Анастасия (Платонова). Старица Божия // Монахиня Анастасия — постриженница Иоанновского монастыря. СПб., 2003. С. 54–58.

Г. В. Белолов

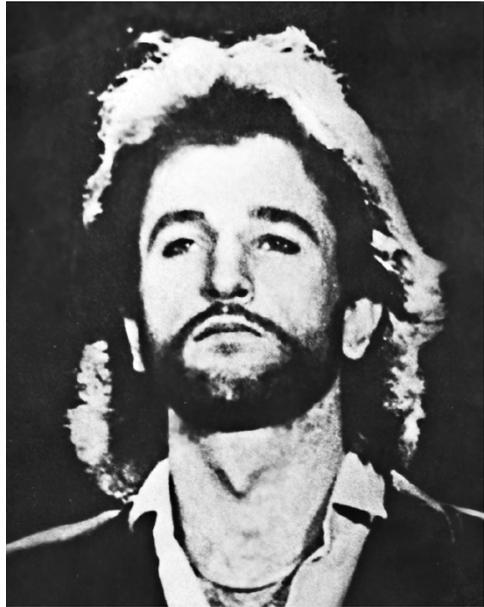
ТАЛЬКОВ Игорь Владимирович [4.11.1956, г. Щекино Тульской обл.— 6.10.1991, Ленинград; похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве] — поэт, певец, композитор.

Родился в бедной семье репрессированных. Окончил музыкальную школу по классу баяна, имел два начатых высших гуманитарных образования (педагогическое и культурологическое). Начал писать песни приблизительно с 1973. Отслужив в армии, в качестве барабанщика, гитариста, клавишника, аранжировщика сотрудничал с группами «Апрель», «Калейдоскоп», «Вечное движение», «Электроклуб», работал в музыкальном театре М. Тереховой. После антибрежневского выступления в Туле в 1975 вплоть до 1987 лишен возможности публичных выступлений. Широкою известность и популярность Т. получил после трансляции песни **«Россия»** в программе В. Молчанова «До и после полуночи» в 1989 и выступления с этой же песней на фестивале «Песня-89», утвердившего в общественном сознании сценический образ поэта как вернувшегося с войны, но не сломленного духом русского воина. Многочисленные гастролы Т. совмещал со съемками в фильмах «Князь Серебряный» и «За последней чертой». Обычно концерты Т. состояли из двух смысловых частей — остросоциальных и лирических песен. 6 окт. 1991 при не проясненных до конца обстоятельствах был смертельно ранен в ходе коллективного концерта в ленинградском концертном зале «Юбилейный».

В своих стихах Т. предстает и как остросоциальный поэт-философ и сатирик, и вместе с тем как художник элегического склада, аналитик внутреннего мира личности.

Одной из наиболее известных гражданских песен Т. стала песня «Россия» (1989). Текст построен в форме прямого обращения поэта к родной стране, чей облик в прошлом и настоящем проступает при чтении «старой тетради расстрелянного генерала». В переживаниях лирического героя отчетливо выразилось умонастроение мыслящей части общества, чающей «забитой правды возрождения» и вглядывающейся в национальное прошлое в поисках отринутых духовных основ бытия.

Во мн. песнях Т. звучит резко сатирическая оценка как советских десятилетий, так

И. В. Тальков

и «перестроечной» современности (**«Дядя»**, **«Враг народа»**, **«Господа демократы»**, **«Господин президент»** и др.). В аллегорическом стих. **«Дядя»** (1989) лирический монолог героя перерастает в исповедь целого поколения, болезненно переходящего от советского «комендантского часа» ко времени лживой «перестроечной» утопии: «Но стало ясно: нет таких затрат, / Чтоб залатать химеру» (**Монолог: Стихи, воспоминания, дневники**. М., 2002. С. 62).

В лирике Т. постижение современности влечет за собой переоценку исторического опыта и предшествующих столетий. Так, в стих. «Господа-демократы» (1989) последствия насильственного революционного передела осмысляются в системе исторических параллелей — речь в заостренной публицистической форме идет и о Французской революции, и о революционно-демократической интеллигенции XIX в. («пусть ответят за все Чернышевский и Герцен»). Развенчание советских мифов оказывается неотделимым от конструирования новой утопии о Великой Руси, праведном народе, невинно пострадавшем от темных сил, — утопии, произрастающей из внутренней потребности превозмочь ощущение вакуума, оторванности от корней и исторических перспектив.

Сатирические мотивы социальных песен Т. нередко сопряжены с гротескной образностью, усиливающей их трагедийное звучание. В целом ряде песен (**«Товарищ Ленин,**

а как у вас дела в аду?..», «Бал Сатаны», «Родина моя» и др.) inferнальные лейтмотивы, способствуя широте сатирического обобщения, создают аксиологическую перспективу исторического пути нации. На взаимопроникновении реального и фантастического построено стих. «Бал Сатаны» (1990), где обозначенный в заглавии центральный образ становится метафорой советских десятилетий.

Худож. пути воплощения образа родины в песенной поэзии Т. весьма разноплановы. Если в таких стихах, как **«Маленький город»** (1986), **«Ленинград»** (1982), он раскрывается в лирико-романтических тонах, то центральной в стих. «Родина моя» (1989), **«Родина»** (1991) оказывается эсхатологическая картина русской жизни, разрываемой своими неизбывными противоречиями. В первом, например, одушевленный образ страждущей родины созвучен, с одной стороны, фольклорным мотивам, с другой — блоковской лирике: «Родина моя — / Нищая сума. / Родина моя, / Ты сошла с ума...» (Монолог... С. 89).

Особенно яркой в свете осмысления исторических судеб России стала трагическая баллада **«Бывший подьесаул»** (1990). Большая часть произведения выстраивается как повествование-предание о судьбе и гибели бывшего подьесаула, ставшего в пору гражданской усобицы, разорвавшей вековые семейные связи («проклятье отца и молчание брата»), красным командармом. Как и в фольклоре, активной действующей силой выступает здесь природный мир, созданный Богом и хранящий в своих глубинах непорushенное единство с Творцом (фольклорный колорит проявляется и в дважды звучащем во время исполнения хоровом припеве из казачьей песни «Любо, братцы...»). Напряженный драматизм произведения сопряжен с раскрытием противоречий во внутреннем мире командарма, читающего по старой памяти молитву и одновременно сознательно преступающего Божье Слово, донесенное природой: «Божий наказ у реки не послушал». В шестой строфе «объективное» повествование прерывается авторским лирическим голосом — в исполнении этот фрагмент выделен особо: текст здесь не поется, а медленно, в полной тишине выговаривается каждое слово. Этот голос наполнен раздумьями о «последней черте» встречи человека с Богом, видящего весь его земной путь («Наступает момент, когда каждый из нас / У последней черты вспоминает о Боге!»), о целой стране, оказавшейся у подобной «черты». Композиционное единство

баллады достигается через сквозной лейтмотив памяти природы, противопоставленной духовному беспамятству нации, забывшей о Боге на «плацдармах» Гражданской войны и революции. Тихий Дон, воплощающий мудрую преемственность, непрерывность бытия, хранит память и о «грешной душе» героя, и о его гибельном самоотречении.

Жанр баллады возникает у Т. и в связи с худож. осмыслением реалий совр. российской действительности. Так, в **«Балладе об афганце»** (1991) внутренняя «драматургия» рождается в нелегком, выписанном с бытовыми подробностями диалоге поэта с «молодым ветераном» Афганистана, приоткрывающем «смертельно израненную душу» последнего.

«Драматургичность» ряда стихотворений Т. обусловлена появлением в них вполне самостоятельных по отношению к авторскому «я» персонажей с яркими речевыми характеристиками, остротой связанных с ними сюжетных положений (**«Собрание в жэке», «Дед Егор»**).

Яркой гранью поэтического наследия Т. стала и любовная лирика, которой, как и социальным песням, свойственны насыщенность бытийной проблематикой, ощущение Божественного присутствия в человеческой судьбе.

Лирический герой Т. погружен в воспоминания о пережитой любви, наполняющие его душу и болью за несвершившееся счастье, и вместе с тем радостью и благодарностью судьбе за те чувства, которые довелось испытать. В стих. **«Давно в душе моей утихла бури»** (1981), **«Прощение»** (1985) герой стремится к философски-умудренному восприятию поворотов судьбы, и это в определенной степени сближает их со зрелой любовной лирикой Пушкина — в частности, со стих. **«Я вас любил»** (1829): «И пусть с любовью тоже нам не повезло, / И пусть не склеить нам разбитое стекло, — / Я зла не помню и обиды не держу / И той мгновенной любовью дорожу...» (Монолог... С. 211)

Чувство благодарения жизни и любимой женщине, онтологический ракурс осмысления любви оказываются ключевыми в обращении к жене лирическом послании **«В вечность»**, а стих. **«Ценою самоотречения...»** (1985) позволяет представить любовную поэзию Т. как лирику духовно-нравственного стоицизма, родственную по напряженности рефлексии песням о России.

Размышления о смысле искусства, о вольном духе, изначально присущем бардовской песне, имели существенную значимость

в творческом самосознании Т.: «Я — бард. Я пишу и пою песни о том, что меня волнует. Свобода творчества — мой принцип...» (Монолог... С. 53). В освоении этой темы публицистичность, сатирическая заостренность и даже политическая злободневность мысли соединились у Т. с проникновенным лиризмом, масштабными лирико-философскими обобщениями.

Во многих стих. деятельность поэта-певца неотделима от постоянного противодействия разного рода внешним силам. В известной песне «**Сцена**» тернистый путь поэта к сцене сопряжен с острейшей социальной борьбой, противостоянием силам зла и преисподней («А дорогу к тебе преграждала нечистая сила»), которое порождало и внутреннюю дисгармонию в душе творца («в душе затаилась на долгие годы тоска»), преодолеваемую лишь духовным упованием на Высшую силу: «Да поможет нам Сила Господня!» (Монолог... С. 111). Образ «антиидеала» в творчестве вырисовывается в таких сатирических стихотворениях, как «**Этот путь**» (1988), «**Конкурс**» (1982), «**Правда**» (1985), которые впитали в себя традиции русской гражданской поэзии. Образ поэта, «крамольного» в отношении официальной идеологии и усредненных стандартов творческого поведения, раскрывается и в таких стих., как «**Друзья-товарищи**» (1988), «**Спасательный круг**» (1989), «**Призвание**» (1986). В стихотворной притче «**Бубен-тамбурин**» (1984) в иносказательной форме — через антитезу кричащей музыки бубна и «самозабвенного», тихого «звучанья чуждых арф» — выявляется драма одиночества лирического «я», чуждости его эстетического вкуса нормам массовой культуры, неглубоким запросам «забубенной публики».

Вселенское обобщение собственной, осмысляемой с духовной точки зрения судьбы и пути Родины осуществляется в песне-пророчестве «**Я вернусь**» (1990). Архетипический для русской культуры образ воскресения поэта «пусть даже через сто веков» и его возвращения в обновленную страну сопряжен здесь с глобальным обобщением истории России XX века — поры революций, войн (явных и скрытых, характеризующих общий климат общественной жизни), нищеты и «дождей из слез». Лейтмотив боя в самохарактеристиках поэта становится знаком его неослабевающей духовной и творческой активности: «Я завтра снова в бой сорвусь, / Но точно знаю, что вернусь...» (Монолог... С. 277). Напряженно рефлексирова о таинственной связи своего посмертного возвраще-

ния и «первого дня рождения страны, вернувшейся с войны», поэт раскрывает двуединство острой социальной направленности собственного творчества и его задушевно-лирической струи: «А когда затихают бои, / На привале, а не в строю / Я о мире и о любви / Сочиняю и пою...» (Монолог... С. 277).

Лирический герой Т. отличается внутренней цельностью, основанной на религиозной сущности миропонимания, напряженной саморефлексии, этике духовного стоицизма. Его глубинное «я» раскрывается как в проникновенной исповеди о своей душевной жизни, так и в подчас нелицеприятном диалоге с современником о кризисных чертах национального сознания, тяжелых страницах прошлого и смутного настоящего, в притчах, пророчествах о будущем русской судьбы.

Поэзия Т. явилась ярким худож. выражением эпохи болезненного крушения Системы, обнажившего зияющие пустоты в национальном бытии. Она в полноте выразила стремление общества обрести утраченные духовные, религиозные ориентиры русской жизни, соединив в себе публицистическое, рефлексирующее начало с сильнейшим эмоциональным зарядом, богатой гаммой душевных переживаний.

Соч.: Монолог: Стихи, воспоминания, дневники. М., 1992; 2001; 2002; И расцветешь... Великая Россия!: Стихи, воспоминания, дневники. М., 2001; Талькова О. Ю. Я воскресну и спою...: Стихи, воспоминания, дневники. М., 1998.; Россия: Песни Игоря Талькова. М., 1992; Игорь. М., 1993.

Лит.: Ничипоров И. Б. Мотивы песенной поэзии Игоря Талькова // Лит. учеба. 2003. № 1. С. 134–149; <http://www.tal-sky.ru>.

И. Б. Ничипоров

ТАНИЧ (настоящая фамилия Танхилевич) Михаил Исаевич [15.9.1923, Таганрог] — поэт, автор популярных песен, создатель тематической музыкально-песенной группы «Лесоповал».

Отец — бывший чекист, в начале 1920-х заместитель начальника Мариупольской ЧК (погиб при сталинском терроре). В 1941 Т. окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу (аттестат зрелости выдан 22 июня). Участник Великой Отечественной войны (был командиром противотанковой пушки, в связи с чем военная судьба переключается с героями романов Ю. Бондарева, тоже артиллеристами). Кавалер ордена Славы и Красной Звезды. После войны поступил в Ростовский инженерно-строительный ин-т на архитектурный ф-т.